

УДК 821.161.1; 821.512.145

ШАФРАНСКАЯ Элеонора Фёдоровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской новейшей литературы и читательских практик института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Автор 150 научных публикаций

МИФОЛОГИЯ КАЗАНИ В ПРОЗЕ АДЕЛЯ ХАИРОВА

В статье рассмотрено творчество современного казанского писателя Аделя Хаирова. В трех произведениях – «Казань – Курочки», «Одна улица на двоих», «Буфет Йозефа» – представлена мифология казанского текста русской культуры (под мифологией локального текста автор понимает тиражирование сигнатур города всеми, пишущими о Казани), а также иноэтнотранскультурная составляющая русской литературы: татарские глоссы и интерференция; авторская каламбурная этимология татарских топонимов; влияние русской культуры на татарскую как продукт колониальных процессов Российской империи. В статье представлен анализ ориенталистских и посториенталистских интенций в прозе писателя, сопоставлены поэмы Венедикта Ерофеева «Москва – Петушки» и Аделя Хаирова «Казань – Курочки». Адель Хаиров в русских литературных текстах создает картину мира билингвальной, бикультурной среды, становясь посредником между разными ментальностями, разными этническими ценностями.

Ключевые слова: *Адель Хаиров, Казань, мифология Казани, ориентализм, поэма-ремейк, локальный текст, Венедикт Ерофеев.*

Казань в русской картине мира получила статус *окна на Восток*. Это *окно* было «прорублено» в 1552 году (дата взятия Казани Иваном Грозным).

С тех пор город присутствует в русских фольклорных и литературных текстах, в биографиях писателей (былины и исторические песни; Г.Р. Державин, А.С. Пушкин, С.Т. Аксаков, А.И. Герцен, В.А. Соллогуб, Л.Н. Толстой, В. Хлебников, М. Горький, В.П. Аксенов и др.).

В Своде законов Российской империи (1912) титул российского императора отражает

обширный локально-географический перечень, в котором Казань упомянута не из последних («Божиею поспешествующею милостью, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский...» [13, с. 6]). Таким образом, в один ряд русских владений попадали исконные старинные территории и колониально освоенные [13, с. 7]. Однако на излете XX века, на этапе крушения уже другой империи, на советских национальных окраинах появляется фольклорно-прецедентный текст: «Татары

в Казань, русские в Рязань!» [1, с. 366], т. е. фольклорная действительность строго ранжирует этностереотипы по географическому признаку. Не случайно в критическом и литературоведческом дискурсе не заканчиваются дебаты по поводу того, как именовать творчество писателей, проживающих в бывших национальных республиках и российских автономиях: русскоязычное? русское определенного локуса (нерусского по административной номинации)? или, может быть, писать через дефис (например, русско-татарское)?

Для русской литературы последней трети XX – начала XXI века характерно появление этнически окрашенного феномена – литературы, в которой присутствует иноэтнокультурный текст¹. В нашем случае это литературное пространство Татарстана. «...Все зависит от того, какой договор каждый из нас заключает – и с самим собою, и с обществом» [9, с. 249], – говорит С. Чупринин, имея в виду отнесенность писателя, пишущего по-русски, к той или иной литературе по этнической характеристике. С одной стороны, русскоязычные писатели (в частности, Аделя Хаирова) – «космогоническая» вынужденность (а на каком языке им писать, если именно русский язык – их личностная составляющая?), с другой – этим писателям важно создать представление о другом народе, культуре, мире и поведать об этом читателю, говорящему и читающему по-русски. Это русское литературное творчество мы назвали *иноэтнокультурным*, а писателей

этой ниши – *переводчиками*, воспользовавшись символической метафорой Л. Улицкой².

По мнению культуролога М. Эпштейна, мультикультурность человека на исходе XX века – характерологическая черта культурного пространства вообще [11, с. 242]. В процессе транскультуры происходит «рассеивание» символических значений одной культуры в поле других культур, диффузия культурных идентичностей. Транскультура предполагает состояние виртуальной принадлежности одного индивида многим культурам, из которых любой индивид может свободно выбирать и смешивать краски, превращая их в автопортрет [11, с. 242–243]. Так или иначе, писатели, транслирующие русскоязычному читателю нерусскую картину мира, становятся своеобразными *переводчиками* между разными ментальностями, разными этническими ценностями, потому как проживают в билингвальной, бикультурной, биментальной среде.

Именно такой видится литературная миссия современного писателя Аделя Хаирова. Его проза продолжает развивать существующий в русской культуре прецедент казанского текста; иными словами – тиражировать сигнатуры³ локального феномена – *genius loci*, или мифологию города, рефлексировав в контексте хрестоматийных казанских сюжетов – как из художественных произведений, так и из биографий прославленных писателей.

Образ Казани у Хаирова, с одной стороны, традиционно вписан в ориенталистский дис-

¹ К слову, как отмечает Э. Эткинд, «постколониальное состояние часто бывало отмечено всплеском интеллектуальной жизни...» [15, с. 296].

² Герой романа Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик», будучи переводчиком в военное время, достиг в своей послевоенной деятельности – католического проповедника – сакральных высот: он стал *Переводчиком*. Так Улицкая метафоризовала миссию своего героя-посредника. Выполняя профессиональный долг *переводчика* в земле Израиля – миниатюре столкновения народов и религий, – Даниэль Штайн попытался через иудео-христианскую церковь построить мост «для будущего диалога в трех направлениях – иудаизма, ислама и христианства» [7, с. 159]. Попытка провалилась: построенный мост не справился с мощным потоком традиции. Но, возможно, для того и написан роман, чтобы диалог когда-нибудь состоялся.

³ Термин *сигнатура* введен в научный оборот литературоведом Т.В. Цивьян: это некий «минимальный набор признаков», которые «тиражировались в бесчисленных словесных и несловесных, художественных и нехудожественных текстах» [11, с. 41].

курс, с другой – он, скорее, резонирует с после-саидовским/посториенталистским дискурсом, выраженным в постколониальных интенциях Хаирова, что находит теоретическое подтверждение в современных концепциях ориентализма [6, 12]. Эдвард Саид, один из зачинателей развенчания ориентализма, указывавший на отсутствие в нем гуманистической сущности, говорит о посториенталистских культурных формах и создаваемых ими структурах чувства [5, с. 52], о постколониальной деформации, отраженной в людских умах в виде деформированных идей [5, с. 54]. Ниспровергатель ориентализма призывает исследователей попытаться понять гегемонию имперской идеологии, которая охватила все постколониальные культуры. Саид говорит о рудиментах империализма и колониализма в постколониальном творчестве, о том, что имперское прошлое еще живо и его следы в настоящем задают вектор изучения явлений, порожденных империей [5, с. 71].

«Вообще значение Казани велико: это место встречи и свидания двух миров. И потому в ней два начала: западное и восточное, и вы их встретите на каждом перекрестке; здесь они от непрерывного действия друг на друга сжались, сдружились, начали составлять нечто самобытное по характеру, – писал А.И. Герцен. – <...> Казань по-татарски значит котел... <...> Русское население сменялось татарским...» [2, с. 131–133]. Именно такая двойственность – западно-восточная, русско-татарская – главная черта прозы Хаирова.

Путешествие по родной Казани и ее предметам, воссозданное в поэме Хаирова «Казань – Курочки»⁴ (2009), – это татарский аналог, или ремейк, знаменитой ерофеевской поэмы, уже самим заглавием (*Курочки*⁵ в пандан к *Петушкам*) отсылающий к культовому тексту русской

литературы второй половины XX века. Жанр и композиция хаировской поэмы, герой, способ повествования, карнавализованный сакральный текст – всеми составляющими поэтики своего произведения автор намеренно рассчитывает на читателя, хорошо знакомого с текстом «Москва – Петушки».

Если Венедикт Ерофеев создавал свою поэму, когда действовали жесткие цензурные препоны (1969 год), когда о том, о чем он писал, писать было нельзя – как из-за идеологических, так и этических и эстетических запретов, то Аделю Хаиров пишет в ситуации полной свободы. И если в поэтике своего произведения он следует за Ерофеевым, то интенции его травелога иные – постколониальные, посториенталистские.

В поэме выстроен генезис казанских топонимов – как было и как стало; представлена авторская этимология топонимов – в комическом двуязычном ключе. Например, улица «пламенного революционера Сергея Кострикова, непонятно почему взявшего себе в псевдонимы имя персидского царя Кира, сына царицы Манданы» (имеется в виду С.М. Киров): «На улице Кирова что же еще делать? Ну конечно кирять!»⁶; станция Аракчино: «...он стал горячо доказывать, что корень слова, давшего название станции “Аракчино”, уходит далеко в полынные тюркские степи к монголам, пьющим в юрте древний напиток – араке. Эх, араке!»⁷. Тема безмерного питья и алкогольного миража – главная в поэмах Ерофеева и Хаирова, но акценты разные: у Ерофеева – это советский идеологический карнавал (по-бахтински), у Хаирова четко обозначена колониальная интенция, историческое наследие культуры колонизатора.

Петр Вайль, совершая путешествие по постколониальным просторам бывшего СССР,

⁴ Хаиров А. Казань – Курочки: Поэма // Октябрь. 2009. № 11. С. 65–93.

⁵ Топоним *Курочки*, скорее всего, вымышленный, это каламбур к реальному топониму *Куркачи* (село и железнодорожная станция в 40 км от Казани).

⁶ Хаиров А. Казань – Курочки... С. 68.

⁷ Там же. С. 73.

не раз делает акцент на этом наследии. Так, он пишет: «Цивилизаторская миссия России без этой части (речь о водке. – Э.Ш.) была бы невозможна. На Кавказе водка натолкнулась на местное вино, но Средняя и особенно Северная Азия были покорены безусловно. По сути, бутылка оказалась единственной точкой схода ни в чем не схожих укладов» [1, с. 171]. А заезжему путешественнику азиатский резидент с сарказмом сообщает: «Мы русским благодарны. Русские нас научили трем вещам: пить водку, ругаться матом и ссать стоя» [1, с. 367]. Казань, по словам историка Роберта Джераси, «играла очень важную роль в идеологии и “технологии” культурной интеграции огромной части империи» [3, с. 5], именно здесь отрабатывались те приемы и средства, которые будут задействованы в колонизации последующих территорий.

У Хаирова портрет рассказчика, повествующего о путешествии вдоль Казани к Курочкам, нарисован в палитре колониального замеса: «С последним глотком я приоткрываю щелки монгольских глаз, чтобы наконец увидеть дно своего стакана. Когда-то это был бездонный колодец, вырытый семью поколениями берберов, которые день и ночь сменяли друг друга, с вечно летящей каплей серебра, но вот, я слышу, ей всего-то осталось пролететь расстояние, равное одному стакану вина...»⁸ – так пунктиром прочерчена история от предков-мусульман к современным жителям глобализированной «деревни». «Пойми, все лучшее, что есть в нас, неведомо как вошло, то ли с молоком матери, то ли с водкой отца?!»⁹ – еще одна метафора гибридной колониальной связи. «...Захлопнул своего Дюма, и открыл “777”, и пригубил его совсем как бургундское»¹⁰, – произносит альтер-эго рассказчика. А его дед Сопьян – «красивое татарское имя» и одновременно по-русски «говорящее» – прагматично

философствует о нюансах ислама, распивая и угощая соседей крепленным пивом: «Между прочим, в Коране ничего про водку не сказано, там запрещено пить “хямэр”, то есть вино. В девяностом аяте написано: “Эй вы, верующие в Аллаха! Вино, поклонение языческим богам, колдовство – все это гнусные проделки шайтана. Сторонитесь, избегайте всего этого – и, кто знает, может, вы достигнете счастья”. “Ну, Сопьян-бай, – заохали татары, – ты нам прямо веки поднял, как Брежневу в фильме режиссера Гоголя! Ну спасибо тебе, теперь будем пить, пить, пить...”»¹¹. Культурные аберрации, ведущие к фильму «Вий», который был поставлен в брежневские времена, когда любое пышнобровое лицо ассоциировалось в фольклорной действительности с именем генерального секретаря, объяснимы, с одной стороны, алкогольными парами, с другой – ерофеевской карнавално-гоголевской традицией.

Реминисценциями и аллюзиями, которыми наполнено ерофеевское повествование, изобилует и поэма Хаирова, где многосторонне представлена советская мифология, но с татарским окрасом: персонажи, растиражированные школьной программой, – Мармеладов, образы из евангельской притчи о блудном сыне, из тургеневских «Записок охотника», купринский подпоручик Ромашов, личности и факты русской истории – как реальные, так и вымышленные (приезд в Казань ансамбля «Битлз»).

В колониальном пространстве принято приватизировать *чужих* кумиров, «тотемы», богов, придавая им черты *своего* [4, 10]. Так, у Хаирова внеконфессиональный Бог имеет татарские черты: «...я однажды Бога увидел! <...> Такой крепенький старичок-бодрячок, на татарского бая похож. Я даже штопаные шерстяные носки разглядел и бородку клинышком!»¹². А в музыке кумиров 1960-х – ансамбля «Битлз» –

⁸ Хаиров А.И. Указ. соч. С. 92.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 79.

слышатся «татарские мотивы. Эту мелодию им навистел завождением Мордас-абый...»¹³.

Ряд ерофеевских фрагментов получает у Хаирова свое продолжение. Так, благодаря затуманенному винными парами сознанию Венчикка пересаживается в электричку, идущую в обратном от Петушков направлении. У Хаирова таким персонажем, курсирующим туда-сюда, от Казани до Курочек и обратно, становится покойник. Усаженный родственниками, не желающими себя обременять похоронными хлопотами, в электричку, он разъезжает, когда сидя, когда стоя (народу много, как селенок в бочке), непримеченным, под видом привычного для окружающих перепившего пассажира.

Повествование перемежается татарскими глоссами и лексическими интерференциями: вывеска «Кыстыбай» – «... (так называется сложенная вдвое нехитрая лепешка кочевников, внутри которой размазано картофельное пюре). Кстати, татарское слово “кыстым” можно перевести как “блеванул”¹⁴; «Нет, а все-таки забавно звучит слово “жизнь” по-татарски: тырмыш! Ничего не напоминает? Вся жизнь, ну-у так уж вышло, у нас кверху тормышками! Не у них – сволочей, а у нас – добрых и хороших людей!»¹⁵; «“Чуп!” – говорит он по-татарски, что по-русски означает “мусор”»¹⁶; «Когда дело доходило до драки, татарские писатели забывали свой литературный татарский и тогда в особняке звучал чистейший русский мат. Бились писатели, как депутаты, недолго и небожно и все тыкали друг друга вопросом: “А ты чту написал?”»¹⁷.

Да и сами татары немало постарались «во славу русской речи», «обогащая культуры бескультурных народов»¹⁸. Матросы, лежащие на

казанском кладбище, в былые времена одарили древних берберов новыми словами, «правда, смысл их со временем несколько изменился. “На хей!” – “убирайся!”, “блят” – “город”, “магон” – “вино”, “буха” – “инжирная водка”»¹⁹.

Воссоздавая татарский колорит Казани, Хаиров пользуется традиционными приемами ориентализма, расцвечивая повествование экзотическими артефактами, национальной кухней, словесными кульбитами: татарская лапша, перемячи (пирожки), кумыс, шурум-бурум (татарский буран), шайтан, бабай и др.

«Уж не я ли сам, собственной персоной, поехал в Курочки вместо Киселя?! Или мы с ним так назююкались, что стали одним целым?»²⁰ – здесь прочитывается историко-культурный подтекст о слиянии до неразличимости двух культур. Вопрос в тексте риторический, однако располагает к ответу: и да, и нет. «Да» объяснений не требует, «нет» – потому, что текст, созданный Хаировым, базируется на двух культурах, двух языках, и «одним целым» он может быть с натяжкой, т. к. писательство Хаирова – особое творчество, продолжающее традицию *другой* русской литературы – ее иноэтнокультурного текста.

Для многих авторов, перешагнувших в зрелую жизнь на сломе советской империи, характерна в том или ином виде ностальгия по прошлому. Есть она и в поэме «Казань – Курочки». Рассказчик с юмором вспоминает нищенский быт своих сограждан: «Мордас-абый плакал, сжимая в руках рулончик розовой туалетной бумаги, о существовании которой он до сих пор даже не догадывался, будучи уверен, что весь мир с удовольствием пользуется нарезанными газетными квадратиками»²¹. Но, по словам

¹³ Хаиров А.И. Указ. соч. С. 65.

¹⁴ Там же. С. 68–69.

¹⁵ Там же. С. 92.

¹⁶ Там же. С. 65.

¹⁷ Там же. С. 75.

¹⁸ Там же. С. 83.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 70.

²¹ Там же. С. 66.

рассказчика, в той убогой жизни была неспешность, утраченная ныне патриархальность и уют: «Мне кажется, что садоводы в те годы были менее практичны. Огурцы и помидоры не заслоняли им театрально растекающийся по крышам закат. По вечерам они любили расположиться на веранде и основательно чаевничать, пробуя ложечкой всевозможные варенья и джемы»²².

Персонажи поэмы «Казань – Курочки» так истосковались по советскому прошлому, что судьба сделала им подарок, дабы привести их в чувство, – сыграла с ними веселую и одновременно грустную шутку: жители Курочек исполняли роли статистов на съемке фильма с ироничным в свете последующих событий названием – «Зигзаг удачи-2». Политическая ситуация в стране на рубеже тысячелетий приостановила съемку, с массовой еще накануне киношники рассчитались советскими дензнаками, как бы продолжая «игру» в 60-е годы. Обескураженная массовка в нарядах 60-х ежедневно приходила на площадку добиваться правды. Пожалевшая земляков продавщица решила отпустить товар за советские пятирублевки. Игра постепенно переросла в жизнь: с очередями, серыми макаронами, обсчетами, недовесами. «Так в Курочки на один вечер вернулась советская власть!»²³ – как бы в назидание всем настальгирующим произносит рассказчик.

Уходящая (или уже ушедшая) городская натура представлена в казанском травелоге Хаирова «Одна улица на двоих»²⁴ (2010). Рассказчик прогуливается по родным для него казанским местам, по которым четверть века назад ходил Василий Аксёнов. Если казанские следы Пушкина и Толстого, Горького и Бурлюка уже мифологизированы, то аксеновская мифология Казани только набирает обороты, и не без участия Аделя Хаирова. Одна родная для двух писателей улица Карла Маркса, баня,

фотоателье, парк, театр, клиника и др. локусы Казани предстают в исторических портретах: «было» и «стало». Призраки прошлого, inferнальные квартиры, голоса и запахи былого, следы белочехов, немцев, русских императоров и императриц; здесь в саду работал садовником Максим Пешков, здесь крестили Заболоцкого, здесь эпатировали публику Маяковский с Северяниным и Бурлюком, здесь из казанской уличной колонки пил сам Пушкин, сюда во флигель с колоннами он заезжал в гости, а у этой стены расстреливал комиссаров Ярослав Гашек... Много кто еще побывал в Казани, и конечно же, Василий Аксёнов – главный закадровый персонаж хаировского повествования. «Вспомним цветаевскую фразу, – пишет рассказчик, – “Чем был бы Веймар, если бы там не жил Гете? Так, захолюсьем!”»²⁵. Казани, разумеется, это не грозит. Однако без таких текстов, как повествование Аделя Хаирова, мифология города затухает – и лишь тиражирование и фиксация уходящей природы способна дать ей жизнь.

В сюжете поэмы «Казань – Курочки» главный персонаж по прозвищу Кисель, он же альтер-эго рассказчика, родился от жительницы Казани и итальянца, почти фантастически попавшего в город на одну ночь. Его имя женщина узнала много позже, когда он прислал из Италии открытку, интересуясь, не оставил ли под кроватью в ту роковую ночь свой медальон. Случай почти анекдотический. Однако по каким-то причинам он важен автору поэмы. Попробуем его дешифровать. Возможно, это некий собирательный образ, универсум: большинство реальных персонажей, составляющих мифологию города, приходило в Казань на короткий срок, как итальянец Джованни, оставивший после себя дитя – будущего жителя Казани.

О жанре текста «Одна улица на двоих» в подзаголовочных данных публикации ничего не сказано. Но жанр все же автором определен,

²² Хаиров А.И. Указ. соч. С. 78.

²³ Там же. С. 90.

²⁴ Хаиров А. Одна улица на двоих // Октябрь. 2010. № 9. С. 117–125.

²⁵ Там же. С. 119.

о нем – в финальной строчке: «Конец фильма!» Это словесная картина, словесный фильм, снятый «камерой» – пристальным вниманием автора к деталям родного города.

За деталью – люди, эпохи, жизненные перипетии. Так, в заглавие рассказа Аделя Хаирова вынесена деталь – «Буфет Йозефа»²⁶ (2013). Обнаруженный в квартире, полученной по завещанию от бабки, самодельный буфет должен был быть распилен и выброшен из хрущевки, как случилось со старым пианино. Но что-то остановило нового хозяина: «скупой готический орнамент, в который были вплетены... танки! Не наши. Похоже на “тигры”»²⁷; призраки прошлого, явившиеся в полудреме, во

сне; потайной кожаный конверт на внутренней стенке буфета, в котором были найдены рисунки и фотография немецкого пленного. Началось расследование. Здесь, под Казанью, захоронено немало пленных немцев. Оказалось, что у бабки с немцем был роман – она, будучи медсестрой и уже замужней, выхаживала его. Молодой муж, конвоир лагеря, из ревности пристрелил немца. Вскоре родилась дочка, мать рассказчика. Никаких «расшифровок», мыльнооперных откровений в рассказе нет. Читатель сам вправе делать предположения – из тех, что встраивают Казань с окрестностями в мировую историю, которая складывается из частных судеб.

Список литературы

1. Вайль П. Карта родины. М., 2007. 448 с.
2. Герцен А.И. Письмо из провинции // Герцен А.И. Собр. соч.: в 30 т. М., 1954. Т. 1. С. 131–133.
3. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / авториз. пер. с англ. В. Гончарова. М., 2013. 548 с.
4. Калинин И. Угнетенные должны говорить: массовый призыв в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е – начало 1930-х годов // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 587–663.
5. Саид Э.В. Культура и империализм. СПб., 2012. 734 с.
6. Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. 960 с.
7. Улицкая Л.Е. Даниэль Штайн, переводчик: роман. М., 2006. 528 с.
8. Цивьян Т.В. «Золотая голубятня у воды»: Венеция Ахматовой на фоне других русских Венеций // Цивьян Т.В. Семиотические путешествия. СПб., 2001. С. 40–50.
9. Чупринин С. Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям. М., 2007. 768 с.
10. Шафранская Э.Ф. Постколониальный синдром: современные мифологические нарративы о Путине в Средней Азии // Мифологические модели и ритуальное поведение в советском и постсоветском пространстве: сб. ст. / сост. А. Архипова. М., 2013. С. 73–79.
11. Эпштейн М.Н. Философия возможного. СПб., 2001. 334 с.
12. Эткинды А. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / авториз. пер. с англ. В. Макарова. М., 2013. 448 с.
13. Эткинды А., Уффельманн Д., Кукулин И. Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением // Там, внутри: Практики внутренней колонизации в культурной истории России: сб. ст. / под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. М., 2012. С. 6–50.

²⁶ Хаиров А. Буфет Йозефа: Рассказ // Октябрь. 2013. № 6. С. 75–79.

²⁷ Там же. С. 77.

References

1. Vayl' P. *Karta rodiny* [The Map of the Motherland]. Moscow, 2007. 448 p.
2. Gertsen A.I. Pis'mo iz provintsii [A Letter from the Province]. *Sobr. soch.: V 30 t.* [Collected Works in 30 Vols.]. Moscow, 1954. Vol. 1, pp. 131–133.
3. Geraci R.P. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Cornell University Press, 2001 (Russ. ed.: Dzherasi R. *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moscow, 2013. 548 p.).
4. Kalinin I. Ugnetyennye dolzhny govorit': massovy pryziv v literaturu i formirovanie sovetskogo sub"ekta, 1920-e – nachalo 1930-kh godov [The Oppressed Should Speak: A Mass Call to Literature, and Formation of the Soviet Subject, 1920s – Early 1930s]. *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sb. statey* [Somewhere There, Inside: Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia: Collected Articles]. Moscow, 2012, pp. 587–663.
5. Said E.V. *Kul'tura i imperializm* [Culture and Imperialism]. St. Petersburg, 2012. 734 p.
6. *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sb. statey* [Somewhere There, Inside: Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia: Collected Articles]. Ed. by Etkind A., Uffel'mann D. Moscow, 2012. 960 p.
7. Ulitskaya L.E. *Daniel' Shtayn, perevodchik* [Daniel Stein, Interpreter]. Moscow, 2006. 528 p.
8. Tsiv'yan T.V. "Zolotaya golubyatnya u vody": Venetsiya Akhmatovoy na fone drugikh russkikh Venetsiy ["Gold Dovecote by Waters": Akhmatova's Venice Against the Background of Other Russian Venices]. *Semioticheskie puteshestviya* [Semiotic Journeys]. St. Petersburg, 2001, pp. 40–50.
9. Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: Zhizn' po ponyatiyam* [Russian Literature Today: Life by the Rules of the Underworld]. Moscow, 2007. 768 p.
10. Shafranskaya E.F. Postkolonial'nyy sindrom: sovremennye mifologicheskie narrativy o Putine v Sredney Azii [Postcolonial Syndrome: Contemporary Mythological Narratives About Putin in Central Asia]. *Mifologicheskie modeli i ritual'noe povedenie v sovetskom i postsovetskom prostranstve: Sb. statey* [Mythological Models and Ritual Behaviour in the Soviet and Post-Soviet Space: Collected Articles]. Moscow, 2013, pp. 73–79.
11. Epshteyn M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [The Philosophy of the Possible]. St. Petersburg, 2001. 334 p.
12. Etking A. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. Cambridge, 2011 (Russ. ed.: Etkind A. *Vnutrennyaya kolonizatsiya. Imperskiy opyt Rossii*. Moscow, 2013. 448 p.).
13. Etkind A., Uffel'mann D., Kukul'in I. Vnutrennyaya kolonizatsiya Rossii: mezhdru praktikoy i voobrazheniem [Internal Colonization in Russia: Between the Practice and Imagination]. *Tam, vnutri: Praktiki vnutrenney kolonizatsii v kul'turnoy istorii Rossii: sb. statey* [Somewhere There, Inside: Practice of Internal Colonization in the Cultural History of Russia: Collected Articles]. Moscow, 2012, pp. 6–50.

Shafranskaya Eleonora Fedorovna

Institute for Humanities, Moscow City Teacher Training University (Moscow, Russia)

THE MYTHOLOGY OF KAZAN IN ADEL KHAIROV'S PROSE

The paper dwells on the works by the modern Kazan writer Adel Khairov. In three of his works – “Kazan–Kurochki”, “One Street for Two” and “Joseph’s Sideboard” – Adel Khairov presents the mythology of the Kazan text in Russian culture (by *mythology of local texts* the author means replicating signatures of the city by all those who write about Kazan) as well as foreign ethnocultural component of Russian literature: Tatar glosses and linguistic interference; author’s punning etymology of Tatar place names; and the influence of Russian culture on the Tatar culture – as a result of colonial processes in the Russian Empire. In addition, the paper analyzes Orientalist and Post-Orientalist intentions in Khairov’s prose and compares Venedikt Erofeev’s poem “Moscow – Petushki” with Khairov’s “Kazan – Kurochki”.

Adel Khairov creates a picture of the world of the bilingual and bicultural environment and becomes a mediator between different mentalities and ethnic values.

Keywords: Adel Khairov, Kazan, mythology of Kazan, Orientalism, remake poem, local text, Venedikt Erofeev.

Контактная информация:

адрес: 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2;

e-mail: shafranskayaef@mail.ru

Рецензент – *Фесенко Э.Я.*, кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, заместитель директора по научной работе гуманитарного института филиала САФУ в г. Северодвинске